

В. И. Шишкин

ПЕРВАЯ СЕССИЯ СИБИРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ

(ЯНВАРЬ 1918 г.)^{*}

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00222а).

Стратегической целью сибирского областничества являлось преодоление отставания Сибири по уровню экономического и культурного развития от европейской России. Добиться такого положения идеологи областничества считали возможным лишь при условии обретения Сибирью статуса территориальной автономии, наделенной правом иметь законодательное учреждение по вопросам местной жизни в виде Сибирской областной думы (СОД).

Между тем в богатой историографии областничества тема СОД представлена слабо. Здесь пробелов пока явно больше, чем достоверного

знания об организации и деятельности этого учреждения. К числу таких «белых пятен» принадлежит и вопрос о первой сессии думы, которая состоялась в Томске в конце января 1918 г., хотя упоминания о ней встречаются как в мемуарной (В. И. Моравский, И. А. Якушев), так и в исследовательской (В. В. Журавлев, М. В. Шиловский) литературе. Впрочем, такое состояние историографии не случайно, поскольку работа сессии велась нелегально и источников «прямого» происхождения о ее деятельности, судя по всему, не имеется, во всяком случае – они пока не обнаружены.

Реальная возможность у патриотов Сибири воплотить в жизнь идею о создании СОД появилась только после Февральской революции. 10 мая 1917 г. Томское губернское народное собрание постановило, что Сибирь, не нарушая своей органической связи с Российской республикой, «должна иметь свою Всесибирскую областную думу, которая будет издавать законы, касающиеся внутренней жизни Сибири». 18 мая это же собрание поручило Томскому губернскому исполнительному комитету созвать в ближайшем будущем в Томске общесибирский областной съезд «для детальной разработки основных положений областного самоопределения Сибири, которые и должны быть внесены в Учредительное собрание Российской республики»¹.

В порядке выполнения этого постановления в Томске в августе, октябре и декабре 1917 г. были последовательно проведены три областнических мероприятия: конференция общественных организаций, первый и второй (чрезвычайный) общесибирские съезды. Однако за это время в связи с углублением революции и общенационального кризиса вопрос об автономии Сибири и о СОД претерпел существенную трансформацию. Лозунг автономного устройства Сибири все больше стал наполняться не столько культурно-экономическим, сколько политическим содержанием, а руководство «сибоблдумским» проектом от областников почтенного возраста перешло к их новой генерации, возникшей в послереволюционное время и представленной главным образом членами партии эсеров.

Указанная метаморфоза отчетливо проявилась уже на состоявшемся 6–15 декабря 1917 г. чрезвычайном общесибирском съезде, который стал реакцией революционно-демократической общественности края на октябрьский переворот в Петрограде. На нем эсеры численно преобладали, что и обусловило характер принятых съездом решений. Альтернативой единовластию большевиков съезд провозгласил организацию временной автономной власти в Сибири, приняв решение учредить в качестве закононодательного органа СОД, а в качестве исполнительного органа – ответственный перед думой Сибирский областной совет. Кстати, в названии общесибирского исполнительного органа власти – совет, а, скажем, не

¹ Постановления первой сессии Томского губернского народного собрания (с 20 апреля по 18 мая 1917 г.). Томск, 1917. Раздел седьмой. С. 2–3.

членов СОД: первое – в помещении губкома эсеров, второе – в правлении общества потребителей «Деятель». На этих совещаниях было принято принципиальное решение о необходимости нелегально открыть работу СОД, а также подверглись обсуждению организационные вопросы, в том числе о президиуме думы и о составе исполнительного органа власти, который по настоящему Бутова решено было назвать Временным Сибирским правительством (ВСП).

Совершенно естественно, что инициативу по подготовке предварительного списка кандидатов в члены правительства взял на себя Дербер. В этом ему активно помогали Бутов и Моравский, недавно приехавшие из Петрограда и неплохо ориентировавшиеся в столичных политических кругах. Не мудрствуя лукаво, эта «троица» за основу персонального состава правительства взяла членов ВСОС, аргументируя свою позицию тем, что ВСОС уже в какой-то мере выполнял функции органа исполнительной власти. К членам ВСОС она добавила десяток известных в Сибири имен, обладатели которых в основном были социалистами с областническим уклоном или областниками с социалистическими симпатиями.

Утром 28 января 1918 г. на разных квартирах начались конспиративные заседания думских фракций эсеров, энесов, «националов» и областников-«стариков», которые приступили к обсуждению предложенных кандидатур. Фракции подвергли первоначальный список серьезной критике и внесли свои корректировки.

Особенно жесткую позицию заняла фракция областников, состоявшая из сторонников Потанина. Ее, как и остальные фракции, не смущала мизерная легитимность СОД и будущего правительства, которое предстояло избрать. Но областников-«стариков» категорически не устраивали кандидатуры Дербера и Захарова, которых они считали главными идеологами общесоциалистического «революционного фронта» и противниками союза с цензовыми элементами.

Вечером для выяснения и снятия спорных вопросов была создана межфракционная согласительная комиссия. Ей удалось составить единый список кандидатов в правительство, хотя областники от своего намерения отвести кандидатуры Дербера и Захарова так и не отказались.

В согласованном списке, затем представленном первой сессии, обращает на себя внимание одно обстоятельство. В нем такие кандидаты, как П. В. Вологодский, В. М. Крутовский и И. А. Михайлов, считавшие себя беспартийными областниками, а также Л. А. Устругов, названы эсерами. В действительности Устругов никогда членом этой партии не был, Крутовский эсерам только сочувствовал, а Вологодский и Михайлов к тому времени официально в партии эсеров уже не состояли. Вместе с тем в списке значатся беспартийными правые эсеры Жернаков и Моравский¹. Но если недостоверность сведений о партийности пяти первых кандидатов

¹ ГАРФ. Ф. Р. 189. Оп. 1. Д. 3. Л. 176–177

на министерские должности может быть объяснена их отсутствием в Томске и недостатком объективной информации о партийной принадлежности, то случай с Моравским, явившимся одним из сотрудников Дербера, представляется ошибкой, которую можно объяснить характером содержащего данные сведения документа.

В столь непростой ситуации контролировавшие всю подготовительную работу по открытию СОД Дербер и его сторонники, чтобы получить искомый результат, поступили исключительно просто, но максимально надежно. О месте заседания думы они поставили в известность только тех ее членов, на лояльность которых могли твердо рассчитывать. В результате в открытии и работе первой сессии СОД приняла участие примерно половина из находившихся в то время в Томске депутатов. Почти всех их можно назвать поименно. Что касается фракции областников-«стариков», то из нее получил приглашение только один человек – энес М. А. Колобов, значившийся в списке кандидатов на министерские должности. Пять месяцев спустя старый барнаульский областник М. О. Курский вспоминал: «Я и некоторые другие мои товарищи-областники, просидевшие целую ночь в ожидании уведомления [о том], где, по обстоятельствам момента, будет собрано заседание думы, такого уведомления [так и] не получили¹.

Тщательно профильтрованный состав членов СОД, допущенных к участию в работе первой сессии, обеспечил Дербера и его группе принятие нужных документов и решений. Сессия утвердила декларацию к сибирскому населению и законопроект «Положения о выборах в Сибирское учредительное собрание», избрала президиум СОД и министров ВСП.

Декларация думы, явившаяся заявлением о намерениях, затем была опубликована во многих сибирских и дальневосточных газетах. Но она едва ли оказала какое-либо реальное влияние на политические настроения и поведение населения.

Еще менее завидной оказалась судьба «Положения о выборах в Сибирское учредительное собрание». Судя по тому, что 4 июля 1918 г. семеро участников первой сессии СОД были вынуждены написать специальное заявление, подтверждавшее, что такой законопроект обсуждался и даже был утвержден думой, его текст был просто утерян².

В президиум СОД были избраны семь человек: председателем – Якушев, товарищами председателя – С. П. Никонов, И. А. Лазебник-Лазбенко и С. С. Романовский, секретарями – И. В. Войтенко, Н. Л. Иванов-Мартынов и З. И. Шкундин. Большинство из них были провинциальными деятелями, в том числе Лазебник-Лазбенко и Иванов-Мартынов из Бодайбо, мало известными сибирской общественностью.

Поскольку список кандидатов в министры ВСП был внесен на обсуждение сессии СОД от имени согласительной комиссии, против него никто

¹ Голос Приморья (Владивосток). 1918. 3 июля.

² ГАРФ. Ф. Р. 176. Оп. 5. Д. 120. Л. 4; ГАТО. Ф. Р. 72. Оп. 1. Д. 15. Л. 23.

не возражал. Даже Колобов, осведомленный о позиции фракции областников, которая протестовала против избрания Дербера и Захарова в состав правительства и предлагала другие кандидатуры, отмолчался. В результате председателем ВСП и временным министром земледелия и колонизации был избран Дербер, министром внешних сношений – Вологодский, внутренних дел (самоуправлений) – Новоселов, военным – А. А. Krakovetskiy, здравоохранения – Крутовский, народного просвещения – Э.-Д. Ринчино, продовольствия и снабжения – И. И. Серебренников, путей сообщения – Устругов, торговли и промышленности – Колобов, труда и социальных реформ – Юдин, туземных дел – В. Т. Тибер-Петров, финансов – И. А. Михайлов, экстерриториальных народностей – Сулим, юстиции – Патушинский, государственным контролером – Жернаков, государственным секретарем – Моравский, министрами без портфеля – Захаров, Шатилов, С. А. Кудрявцев и Г. Ш. Неометуллов.

Тем самым формально первая сессия СОД выполнила стоявшую перед ней задачу. Напомним, что в дальнейшем ВСП и созданные им структуры сыграли главную роль в свержение Совдепов в Сибири и в установлении государственной власти контрреволюции в Сибири и на Дальнем Востоке.

Вместе, с тем при формировании ВСП первая сессия СОД совершила ряд действий, которые поставили под угрозу все ее усилия. Часть министров ВСП была избрана заочно, без получения их согласия войти в состав правительства и даже не знала о своем избрании. Большинство министров находилось вне Томска, а некоторые – даже за пределами Сибири. Вологодский в это время был в Омске, Krakovetskiy и Новоселов – на Украине, Ринчино – в Забайкалье, Серебренников – в Иркутске, Захаров и Устругов – на Дальнем Востоке, Патушинский и Шатилов – в красноярской тюрьме. Другими словами, изначально ВСП полного состава – это не реальный, а, скорее, номинальный властный институт, из-за чего в дальнейшем правительство должно было неоднократно переструктурировываться.

Формально большая часть избранных на первой сессии СОД министров (Дербер, Жернаков, Захаров, Krakovetskiy, Кудрявцев, Моравский, Неометуллов, Новоселов, Сулим, Шатилов и Юдин), была эсерами различных оттенков, Патушинский и Колобов – энесами, Тибер-Петров – сочувствовал большевикам, Ринчино являлся бурятским националистом, Устругов – беспартийным, остальные – беспартийными областниками. Такой партийный состав ВСП, особенно принимая во внимание наличие среди эсеров двух членов ее «левой» фракции, не гарантировал правительству внутреннего единства. Скорее наоборот, он являлся предвестником политических противоречий, конфликтов и потрясений внутри ВСП, что вскоре и не замедлило проявиться.

Избрание Вологодского, Михайлова, Ринчино, Серебренникова и Сулима министрами без предварительного согласования с ними обернулось непредвиденным думой поведением этих деятелей. Ринчино и Сулим

сразу же отмежевались от ВСП по политическим соображениям, перейдя на сторону большевиков. Весной 1918 г. Вологодский, Михайлов и Серебренников отказались участвовать в антисоветской подпольной деятельности. В июне 1918 г. Вологодский и Михайлов даже после свержения Совдепов далеко не сразу согласились сотрудничать с Западно-Сибирским комисариатом ВСП, взявшим власть в свои руки. Однако, как ни парадоксально, Вологодский, Михайлов и Серебренников, позиционировавшие себя как беспартийных областников и государственников, в сентябре 1917 г. оказались на вершине государственного Олимпа.

Именно эта «тройка», близкая по своим политическим взглядам к областникам старшего поколения, группировавшимся вокруг Потанина, осенью 1918 г. осталась в составе омского Совета министров ВСП, который утвердился в качестве верховного органа государственного управления на освобожденной от большевиков территории Сибири, Дальнего Востока и Зауралья, тогда как все социалисты, избранные в состав ВСП на первой сессии СОД, оказались за правительственным бортом. Более того, главным образом по настоянию этой «троицы» 10 ноября 1918 г. была распущена и сама дума.

Революции пожирают своих детей – такова одна из закономерностей углубления революционного процесса. Печальный опыт сначала Сибирской областной думы, а затем Уфимской дирекtorии позволяет утверждать, что закономерностью развития контрреволюции является «пожирание» ее собственных родителей.